

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В УСТЬ-КАМЕНОГОРСКОМ РАЙОНЕ В 20–30-Е ГОДЫ XX В. НА МАТЕРИАЛАХ ГАВКО

А. С. Жанбосинова

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Статья на материалах ГАВКО рассматривает историю колхозного строительства. Автор вводит в научный оборот архивные документы, статистические данные, свидетельствующие о методах и формах проведения коллективизации в Усть-Каменогорском районе.

Ключевые слова: коллективизация, колхозное строительство, кулак, середняк, репрессии, насилие.

ORGANIZATION OF COLLECTIVE FARMS IN UST-KAMENOGORSK IN THE 20'S-30'S OF THE XX CENTURY

A.S. Zhanbosinova

S. Amanzholov East Kazakhstan State University,
Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

The article based on the documents of the State Archive of East Kazakhstan region considers history of organization of collective farm. The author introduces into the scientific literature archival documents, statistics indicating the methods and forms of collectivization holding in Ust-Kamenogorsk region.

Key words: collectivization, organization of collective farms, kulak, medium peasant, repression, violence.

Исследование истории коллективизации на протяжении всего периода т.н. «архивной революции» расширило пространственные и глубинные горизонты, выявило общее и особенное в практике колхозного строительства, обнаружило множество уникальнейших документов, позволило дать оценку масштабной трагедии и концептуально переосмыслить, детализировать процесс модернизации сельского хозяйства.

Вопросы насильственной коллективизации и раскулачивания были рассмотрены в трудах многих известных специалистов указанной проблематики, как в Казахстане, так и в России, в целом на исторических просторах дальнего и ближнего зарубежья. В их числе М. Козыбаев, Ж. Абылхожин, С. Красильников, Н. Ивницкий и мн.др.

Форсированная индустриализация, строительство основ промышленно-развитого

государства, независимого от внешнего окружения детерминировали поиск источников. Сельское хозяйство стало основным источником индустриальных планов страны. Вместе с тем, преследовалась цель уничтожить крестьянское индивидуалистическое мышление, ликвидировать так называемого носителя буржуазной идеологии, с корнем вырвать прослойку кулака и единоличника и построить новую социалистическую деревню

Усть-Каменогорский район в 1929 г., в год «Великого перелома» располагался на 7 383 км². Всего в районе насчитывалось 15 013 хозяйств, в том числе в городе 3 537. На территории района проживало 77 679 чел., в том числе городского 15 115 чел., сельского 62 564 чел. Казахское население составляло 1 861 (2,3 %) чел., русское 60 437 (77 %) [1, Л. 20]. Население в основном было оседлым, занималось земледелием, ското-

водством, пчеловодством. Если в 1928 г. район имел посевных площадей 60 000 десятин, то в 1929 г. 65 338 десятин, увеличение произошло на 13 % за счет посевов колхозов, бедноты и середняков. Судя по документам, крестьянское население состояло из следующих социальных прослоек: кулаков – 135 хозяйств; зажиточных – 784, бедноты – 3 885 хозяйств, середняков – 11 576 хозяйств [1, Л.18]. Руководители района сетовали на малую численность кулаков, расстраивались, что район не добирает до 4 % кулацких хозяйств, процент бедняцких хозяйств был равен 33 [1, Л. 19]. Центральный комитет отмечал, что количество ликвидируемых кулацких хозяйств должно строго дифференцироваться, общее число, которых составляло 3–5 %, несмотря на предупреждение не распространять мероприятия данного постановления на середняцкие хозяйства, содержание акта толкало местных руководителей на раскулачивание середняков.

В директивах Усть-Каменогорского райкома партии партийным ячейкам указывалось на недопустимость применения мер репрессий к середняцким, бедняцким хозяйствам, в том числе хозяйствам красноармейцев, красных партизан. В отдельных местах уполномоченные допускали преступные нарушения директив Усть-Каменогорского райкома, распространяя репрессии на бедняцко-середняцкие хозяйства, судя по архивным документам были случаи переобложения фондом бедняцких хозяйств и недообложение кулацких хозяйств [2, Л. 1].

Рост колхозов в Усть-Каменогорском районе проходил за счет бедняцко-батрацких хозяйств. В 1928 г. было насчитывалось 40 колхозов с количеством 428 хозяйств с 2 095 чел. [3, Л. 49]. На 2 октября 1929 г. в Усть-Каменогорском районе было создано 46 колхозов, в них находилось 676 хозяйств с численностью 3 685 человек [1, Л. 20]. На конец 1929 г. было создано 50 колхозов с 812 хозяйствами с 4 242 чел. [3, Л. 49]. Социальный состав колхозников представлял собой следующее: батрацких хозяйств 5,2 %, бедняцких 59,4 %, середняцких 34 %, зажиточных 1,5 % [4].

Подводя итоги бурного роста колхозов в Семипалатинском округе, 16 ноября 1929 г. руководство констатировало, что на 53 % увеличилось колхозов, с 372 (1928 г.) до 555 (1929 г.), соответственно охват хозяйств с 6 055 (1928 г.) до 9 770 (1929 г.), процент коллективизированного населения с 3 % до 6 % [3, Л. 120].

В марте 1929 г. Политбюро принимает решение о мерах по усилению хлебозаготовительной кампании, согласно которой обязательства, принятые решением собрания бедноты по выполнению планового задания ложились на кулацкую верхушку деревни. Основная цель видится не в изъятии хлебных ресурсов, а в удушении экономической самостоятельности кулацких хозяйств. Тогда же весной 1929 г. была введена так называемая «пятикратка» – штраф в пятикратном размере стоимости обложения злостных саботажников, высылка и конфискация их имущества.

30 января 1930 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Главная задача виделась в подавлении контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению путем ликвидации кулацких и байских хозяйств. С этой целью предлагалось:

- отменить в районах сплошной коллективизации действие закона об аренде и применении наемного труда;

- провести конфискацию средств производства в кулацких хозяйствах.

Семипалатинский окружком, говоря о необходимости ликвидации кулака как класса, предупреждал райкомы, что переход от политики ограничения к политике ликвидации кулака, не принимали как меру, которую можно немедленно провести административным путем. Райкомам предлагали учесть, что политика ограничения кулака и бая может применяться в районах где нет массовой коллективизации.

Политика конфискации имущества крупных баев и кулаков проводилась в Семипалатинской губернии, как и по всей стране, с применением чрезвычайных мер. Впоследствии Ф. Голощекин констатировал: «Применение чрезвычайных мер практиковалось повсеместно, просто в Семипалатинской губернии применялись шире и дальше, чем это диктовалось экономической и политической целесообразностью...» [5, Л. 3–7].

Постановление определило категоричность кулацких хозяйств по степени их социальной опасности, отправив в первую категорию весь контрреволюционный актив, организаторов террористических актов и восстаний с применением к ним от ссылки в лагеря до высшей меры наказания. Во вторую категорию вошла менее активная часть по отношению, к которой применили депортацию в отдаленные местности СССР. В третью категорию вошли кулацкие хозяйства, не способные, по мнению властей, причинить беспо-

койство, их расселили в пределах района за пределами колхозной территории.

На местный актив возлагалась задача выселения и их доставки на сборные пункты. На каждого выселяемого заводилась личная карточка с указанием фамилии, имени, отчества, места рождения, национальности, подробнейшей информации о составе семьи, роде занятий до 1917 г. и после, а также являлся ли лишенцем т.е. лишился ли избирательных прав, подвергался судебным преследованиям и обязательно прикладывалась характеристика бедняцко-батрацкого актива на выселяемого. С этого момента выселенец находился под бдительным оком силового ведомства, впоследствии на него оформлялась альбомная запись, где четко фиксировались все последующие шаги выселенца-репрессированного.

Неожиданным явлением для райкома оказалась позиция отдельных сельских активов, которые практику ликвидации кулачества как класса сводили к ликвидации в административном порядке, стихийно вне связи с коллективизацией и без участия в этой акции сельских жителей. Изъятие у кулацких хозяйств самого необходимого из одежды, домашней утвари, конфискация продовольствия, порождало сочувствие к кулацким семьям и их детям со стороны середняков, бедняков, последние брали их на кормление [2, Л. 11].

4 февраля 1930 г. ЦИК отправляет секретную инструкцию всем местным исполнительным комитетам на республиканском и краевом уровнях, включая ОГПУ.

Секретная инструкция определила правила конфискации имущества у кулаков и их передача в фонд колхозов, а также тот необходимый минимум финансов и имущества, который оставался кулацким хозяйствам при конфискации. Инструкция регламентировала правила расселения кулацких хозяйств и последующего их трудового использования.

В частности применимо к Усть-Каменогорскому району предполагалось, выселяемых кулаков из сел сплошной коллективизации расселить в селении Каши Каменского сельсовета, беспризорных детей сельсоветы брали под общественную опеку. Всем переселяемым внутри района кулацким семьям разрешалось оставить имущество в размере трудовой нормы и для хозяйственного обустройства на новом местожительстве [6, Л. 8–9].

Постановление запретило свободное перемещение кулаков из одного района в другой, а также под угрозой применения репрессивных мер запретила распродажу лич-

ного имущества. Указ явился попыткой ограничить переход за пределы страны и передвижение внутри страны. 22 февраля 1930 г. всем секретарям пограничных райкомов ВКП(б) и начальникам застав было отправлено секретное послание, где говорилось, что «Отмечены факты массовой распродажи скота баями и кулаками. Отмечен приток байско-кулацкого элемента в пограничные районы...» [7, Л. 50].

Политика «ликвидации кулачества как класса», преследовала несколько взаимосвязанных целей. Официальная цель (социальная) – ликвидация сельской буржуазии. Вторая цель (психологическая) – создать в деревне атмосферу страха, демонстрируя крестьянам, что единственной альтернативой вступления в колхоз может быть только раскулачивание, арест и высылка. Политика ликвидации кулачества превращается в основной метод стимулирования коллективизации. Цель экономическая – создание за счет конфискации имущества кулацких хозяйств минимальной материальной базы организуемых колхозов. Неявный, скрытый характер носили намерения использовать принудительный труд репрессированных крестьян для решения задач модернизации экономической системы страны [8, С. 321].

Впоследствии изучая статью И. Сталина «О перегибах в колхозном строительстве», согласно полученной директиве из центра, затем, реализуя постановление Политбюро от 10 и 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», местные партийные власти были вынуждены признать, что в деле коллективизации, конечно, есть перегибы. Перегибы эти выражаются в следующем: на общих собраниях примерно вопрос ставился так (в пяти сельсоветах): «Кто против коллективизации, тот против нас» или «Кто против коллективизации, тот против Советской власти», «Не вступившим в колхоз будем отводить землю на камнях». Имел место один случай, когда уполномоченный провел «социалистическое соревнование между селами на наибо́льшее вступление всем селом в колхоз, село, не успевшее вступить к сроку в колхоз, должно уплатить штраф 1 000 рублей». «По четырем сельскохозяйственным артелям имело место обобществление всех коров и жилых помещений, а по двум коллективам даже кур, уток и т.д.». Каждый руководитель, пытаясь оправдать свои действия, признавал перегибы, и вместе с тем добавлял, что приезжали сотрудники ГПУ на места и говорили, «где у

вас кулаки, давай их сюда», «вот отсюда и пошли перегибы» [9, Л. 5].

Хлебозаготовительная кампания и реализация плановых заданий тяжким бременем легли на сельских жителей. Изъятие хлеба у сельчан без оглядки на урожайность обусловило недостаток семенного фонда. Председатели колхозов писали о сложившейся ситуации, говорили, что «если вопрос не будет разрешен о выдаче семян, то осенью нам заготавливать будет нечего» [9, Л. 6].

Погодные условия осенью 1930 г. уничтожили практически весь урожай, в отдельных местах Усть-Каменогорского района хлеб не успел вызреть, ненастная погода, ранние заморозки, где-то засуха оставили население без хлеба. С учетом сложившейся ситуации, колхозники надеялись на изменение планов по хлебозаготовкам. Вместо пересмотра заданий, директива окружкома Усть-Каменогорскому райкому содержала фразу: «Имеющаяся гибель хлебов позднего сева не может являться причиной для пересмотра районного плана хлебозаготовки в сторону уменьшения» [10, Л. 36].

Буквально накануне случившейся осенней катастрофы, 29 июня 1930 г. сельхозартель имени И. Сталина Усть-Каменогорского района отправляет телеграмму в Москву Кремль на имя И. Сталина. «Сельхозартель имени Сталина Усть-Каменогорского района Семипалатинского округа 89 хозяйств, 415 едоков. План выполнен на 105 %. Обобществлено скота 850 голов. Хлеба нет. Голодаем. Срывается сеноуборочная хлебная кампания. Нашу просьбу наряде отпуска взаймы госфонда 400 пудов хлеба сроком на 45 дней власти отказывают, несмотря на наличие хлеба. Колхоз обречен на гибель. Просим помощи» [2, Л. 32]. Снизу в уголке телеграммы есть приписка, вызывал..., ошибку признал.....

Это начинался голод, пик его пришелся на 1932–1933 гг. А пока в информационных письмах проскальзывали сообщения: «Анализируя состояние животноводства в Усть-Каменогорском районе по данным на июнь 1929 – 5 марта 1930 г., получаем катастрофическое падение скота».

Таблица 1 – Численность скота Усть-Каменогорского района в 1929–1930 гг. [2, Л. 7].

наименование	июнь 1929 г.	5.03.1930 г.
лошади	19 397	15 327
КРС	22 924	15 449
овцы+козы	33 280	15 870
свиньи	3 584	615
итого	7 918 547 261	

В силу острой бескормицы по 24 сельсоветам Усть-Каменогорского района наблюдался резкий падеж скота, только с 1 октября 1929 г. по 1 января 1930 г. пало 831 голов скота, январь–февраль 1930 г. – 627 голов скота, всего за пять месяцев 1 458 [2, Л. 7].

Статистика свидетельствует, что в 1927–1928 гг. в Усть-Каменогорском районе насчитывалось 122 856 голов скота, 1928–1929 гг. 146 129 голов, 1929–1930 гг. 80 066 голов скота [9, Л. 27].

Еще весной 1928 г. в Семипалатинской губернии проводилась политика по самообложению. Правительственные органы констатировали, что вместо правильного проведения получился ряд неслыханных извращений директив власти, в конечном итоге «это привело скотоводческие районы к полной экономической разрухе и упадку». Несмотря на падеж скота, местная власть вынудила население ликвидировать за бесценку свой скот. Одновременно местные органы создавали искусственные обвинения и проводили открытые судебные процессы по изобличению в саботаже и противодействии властям [11, Л. 124].

О том, какими методами осуществлялась коллективизация с сопутствующими репрессиями в деревне, свидетельствует письмо крестьянина Алексеева из Семипалатинского округа в «Крестьянскую газету» от 7 ноября 1929 г.: «Наш район (Бурасинский) постигла засуха. Население 4 000 душ, согласно плана хлебозаготовок, село должно сдать государству 60 000 пудов... хлеба нет, вся тяжесть хлебозаготовок легла на кулаков, но вся беда – кулаков маловато, а середняк не вытянет. Средняк мог намолотить 100–200 пудов, его обязывают сдать 300–700 пудов. Естественно середняк сдать не может, за это его бойкотируют, облагают индивидуальным подоходным сельскохозяйственным налогом, объявляют ему, чтобы в 24 часа уплатил. Затем приезжают из сельского совета, отбирают весь хлеб... семья остается без крова и кормильца... Отобрано хлеба без суда и безвозмездно у 50 и более середняков. Уже осуждено 7 человек... В Семипалатинске стоны и плач, проклятия в адрес Советской власти... На собрании председатель диктует, секретарь пишет, а собрание молчит, да и говорить нельзя, иначе ты кулак или в лучшем случае подпевала...» [12, Л. 97–98].

Начиная с марта 1930 года, увеличивается поток арестованных крестьян по Восточному Казахстану. Арестованных крестьян обвиняли по статье 58-2 – вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных

целях на советскую территорию вооруженных банд, 58-7 – вредительство, 58-10 – контрреволюционная пропаганда или агитация, 58-14 – контрреволюционный саботаж. К ним применялись меры наказания от 3-х лет до расстрела. В сводках ОГПУ указывалось, что крестьянский протест выражался в сознательном уничтожении скота перед вступлением в колхоз, в бегстве из районов проживания, порой за границу, в письменных ходатайствах на имя руководителей страны.

Партийные органы не могли не реагировать на поток жалоб, в Семипалатинске за допущенные перегибы привлечены к партийной ответственности 33 уполномоченных, 9 секретарей партийных ячеек, 4 председателя сельсовета. Снято с работы 4 секретаря партийной ячейки, 6 уполномоченных, 2 председателя сельсовета. Расформировано 2 партийные ячейки, 2 сельских совета, весь состав Зыряновского райкома партии [13, Л. 99].

Самой крайней формой протеста явились крестьянские восстания. Информационный бюллетень с 15 апреля по 1 мая 1930 г. сообщал, что «в последнее время в связи с применением мер репрессий в отношении кулацких хозяйств... участились случаи более активного и открытого выступления кулачества... Катон-Карагайский район с. Белое, Шемонаихинский район с. Убинское, Разинский район, с. Митрофановское... Крестьяне покушаются на жизнь общественных работников, причиняют ущерб и поджигают, избивают представителей власти и пр. В Разинском районе участились случаи активного выступления попов всех мастей и религиозных сект, в противовес проводимым мероприятиям хлебозаготовок» [7, Л. 67]. Крестьяне выступали не только против насильственной коллективизации и раскулачивания, но и против преследования служителей религиозного культа и огульного закрытия церквей. Лозунги протестных выступлений были направлены против коммунистов и советской власти, как например «Долой коммунистов», «Крестьянство грабят», «За Советскую власть без коммунистов» [14, Л. 23].

7 августа 1932 г. издается закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», печально известный закон «о трех колосках». Обычная кража по данному закону уже не наказывалась штрафом или краткосрочным лишением свободы, при смягчающих обстоятельствах могли дать 10 лет, а так приговаривали к расстрелу, уголовное преступление превратили в политическое.

Голод толкал людей на совершение противоправных действий, отдел ОГПУ по ВКО докладывал, что с начала проведения хлебозаготовительной кампании и действия закона от 7 августа в селах Березовка, Красный Яр, Прапорщиково арестовано 130 человек, на тройку направлено 39 дел. В Иртышском районе за хищение хлеба арестовано 16 человек. По Кокпектинскому району за хищение хлеба арестовано 42 человека, в Жарминском 12 [15, Л. 313]. В сводках ОГПУ указывалось о росте преступлений, связанных с хищением урожая, начиная с июня 1933 г. учтены тысячи фактов хищения хлеба и срезание колосьев на корню. «Кулацко-байские и бандитские элементы производят вооруженные налеты на охрану урожая, обворовывая поля. Убивая и разоружая охранников». Руководство ОГПУ предлагало развернуть репрессии по отношению к расхитителям по следующим направлениям:

- социально чуждый кулацко-байский элемент, уличенный в хищениях, подлежал немедленному аресту с применением Закона от 7 августа 1932 г.;

- при групповых хищениях со стороны откожевщиков, возвращенцев, колхозников, единоличников, бедняков репрессировать только главарей;

- в случае уличения в хищении хлеба женщин, детей репрессировать подстрекателей [16, Л. 123–133].

Размах репрессий против крестьянства то набирал силу, то немного ослабевал. Борьба с саботажниками, контрреволюционерами, зачистка населения позволяло правительству культивировать страх перед силовым ведомством, поддерживать страх неожиданного ареста, что в какой-то степени позволяло сохранять определенное равновесие, и руководить народным гневом, направленным против врагов социализма. Таким образом, силовая модернизация сельского хозяйства и ликвидация индивидуалистического крестьянского мышления через политику раскулачивания привели к настоящей войне, которую государство объявило крестьянской деревне. По масштабам проводимой политики, речь шла не о простой экспроприации или аресте небольшого количества кулаков, шел активный процесс раскрестьянивания, который привел к коренной ломке культуры, образа жизни и психологии крестьянства;

Для достижения результатов в строительстве колхозного строя государство использовало широкий набор мер репрессивной политики в деревне, административно-

карательная система состояла из арестов, ссылки, депортации, конфискации, психологического насилия, судебного преследования, штрафных санкций и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 69.
3. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 21.
4. Процент подсчитан автором.
5. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1675.
6. ГАВКО Ф. 6 п. Оп. 1. Д. 132.
7. ГАВКО Ф. 139п. Оп. 1. Д. 22.
8. Коми деревня в 30-е годы XX века: политические репрессии и раскулачивание / Г.Ф. Доброноженко; [науч. ред. Н.А. Ивницкий]; Федер. агентство

по образованию, Сыкт. гос. ун-т. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2007. – 323 с.

9. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 58.
10. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 66.
11. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2433.
12. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2952.
13. АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2955.
14. ГАВКО Ф. 6п. Оп. 1. Д. 20.
15. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5208.
16. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5827.

Жанбосинова Альбина Советовна – доктор исторических наук, профессор

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан